

<https://doi.org/10.25221/kurentzov.37.1>

<https://elibrary.ru/zrwhrg>

<https://zoobank.org/References/577A015A-B5D0-4312-9A01-4FDF6E10E8E0>

**МАЛОЗАМЕТНЫЕ ГЕРОИ ИЗ ИСТОРИИ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ.
СООБЩЕНИЕ 3**

Е.В. Новомодный

Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, г. Хабаровск

E-mail: evgenov@mail.ru

Аннотация. Данная статья продолжает серию публикаций автора под тем же названием, посвященных ныне забытым исследователям энтомофауны российского Дальнего Востока конца XIX и начала XX веков. В центре повествования – Василий Дмитриевич Кожанчиков (1866–1939), профессиональный музыкант, успешный музейный работник и высококвалифицированный энтомолог-любитель, который сумел увлечь и направить в русскую энтомологию целую плеяду будущих выдающихся специалистов: Льва Васильевича Кожанчикова (1899–1931), Игоря Васильевича Кожанчикова (1904–1958) и Алексея Максимовича Герасимова (Герасимов-Морачинский, 1904–1942).

Ключевые слова: история изучения, насекомые, фауна, Дальний Восток России.

**LITTLE-KNOWN PERSONAGES FROM THE HISTORY OF
ENTOMOLOGICAL RESEARCH IN THE RUSSIAN FAR EAST.
COMMUNICATION 3**

E.V. Novomodnyi

Khabarovsk Territorial Museum after N.I. Grodekov, Khabarovsk, Russia.

E-mail: evgenov@mail.ru

Abstract. This article continues the author's series of publications under the same title, dedicated to now forgotten researchers of the entomofauna of the Russian Far East of the late 19th and early 20th centuries. The focus is on Vasily Dmitrievich Kozhanchikov (1866–1939), a professional musician, successful museum worker, and highly qualified amateur entomologist. He managed to captivate and direct a whole galaxy of future outstanding specialists into Russian entomology: Lev Vasilyevich Kozhanchikov (1899–1931), Igor Vasilyevich Kozhanchikov (1904–1958), and Alexey Maksimovich Gerasimov (Gerasimov-Morachinsky, 1904–1942).

Keywords: history of investigation, insects, fauna, Russian Far East.

Статья продолжает по сути «неисчерпаемую» тему обращения к памяти скромных и неприметных персонажей региональной энтомологии, которые своими исследованиями принесли несомненную пользу науке о насекомых, а ныне оказались незаслуженно забыты. С этой проблематикой автор неоднократно выступал на заседаниях «Чтений памяти Алексея Ивановича Куренцова» (см.: Новомодный, 2024, 2025).

Начнем с почти детективной истории, связанной с малоизвестным эпизодом из жизни Игоря Васильевича Кожанчикова, как сказано о нем в некрологе, «одного из наиболее выдающихся деятелей в области энтомологии в СССР, заведующего Отделением экологии насекомых Зоологического института АН СССР, заведующего Кафедрой общей энтомологии Института прикладной зоологии и фитопатологии, доктора биологических наук» (Штакельберг, 1959). Как выясняется, еще мальчиком 10-11 лет, в 1914–1915 гг., вместе с отцом, братом и сестрой ему довелось участвовать в исследовании совершеннейшего в то время «белого пятна» энтомофауны окрестностей г. Зея (ранее – Зея-пристань) Амурской области Приамурского генерал-губернаторства, хребтов Тукурингра и Станового на водоразделе бассейнов рек Зея и Алдан. Основываясь на собственном опыте, мы с большой долей уверенности можем предположить, что именно в таком возрасте и обстановке началось его становление как энтомолога-профессионала, – даже если принять к сведению, что ловить насекомых он приучился рано, он ведь родился в семье энтомолога.

К сожалению, так получилось, что вплоть до середины 1990-х автору этих строк был совершенно неизвестен факт описания в 1920-е годы киевским лепидоптерологом Л.А. Шелюжко ряда таксонов дневных и ночных бабочек, добытых Кожанчиковыми у северных границ Приамурья. Хотя после двух экспедиций в близкие места, в такие же горы в истоках р. Буряя (1977–1978 гг.), и подготавливая свою дипломную работу, основанную только на собственных сборах оттуда, я буквально охотился за любой информацией по энтомологии этого района. И вдруг такая новость. Гораздо более сведущие в булавоусых чешуекрылых коллеги из Новосибирска Ю.П. Коршунов и В.В. Дубатовлов сообщили мне тогда, что северные чернушки *Erebia dzhelindae* Shel., 1924; *E. kozhantshikovi* Shel., 1925; и такая же бархатница *Oeneis dzhugdzhuri* Shel., 1929, а также несколько разноусых были собраны в 1915 г. на р. Джелинда, впадающей в р. Учур. «Учур протекает по территории Хабаровского края, хр. Джугджур тоже у вас, найди нам эту речку, ты же местный». Но в то время я не сумел им помочь, хотя собрал целое досье по гидронимам типа «Джиллинда», «Джилингда», «Джалинда», которые достаточно обычны на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири (по-эвенкийски – «тайменевая»).

Что-то прояснилось, только когда они раздобыли оригинал одной из статей Шелюжко (без Интернета!), где было сказано, что место это находится «an den Quellen des Flusses Dzhelinda, Nebenfluss des Flusses Utshur, in den Aldan mündet, in der Gebirgskette Dzhugdzhur, die an den Grenzen der Provinzen Amur und Jakutsk liegt» (Sheljuzhko, 1925). [Около истока р. Джелинда, притока р. Учур, который впадает в Алдан, в горной цепи Джугджур, лежащей на границе

Амурской и Якутской губерний – Е.Н.]. То есть оказалось, что Джелинда – приток Учюра лишь третьего порядка, и ее воды впадают в него через реки Сутам и Гонам, а не напрямую. К тому же на современных картах «locus classicus» этих таксонов находится вовсе не на Джугджуре, а на Становом хребте, – такое решение приняли наши картографы, которым доверено право создания и редактирования топографических карт. За прошедшие с начала XX в. годы они сговорились между собой, и поделили великий водораздел на три части, по числу уже ранее существовавших для него топонимов-понятий. Хотя аборигены края весь его считали Джугджуром, это название относится сейчас лишь к восточной части, вдоль Охотского моря. Собственно Становым (опорным, главным) хребтом признали только срединную часть. А западной части оставили историческое название Яблоновый [Становой] хребет, происходящее от русифицированного бурятского топонима «Ябленни-Дабан» («легко проходимый перевал»). Ситуация напомнила нам законы биологической систематики с ее упорными поисками правильного, «валидного» названия объекта.

Районы водоразделов всегда интересны для научных исследований как естественные границы природных зон. Тем более такие, как Становой, горные цепи и вершины которого поднялись выше 1600–2000 м н.у.м., до высот развития на них горных тундр и альпийских лугов. Не удивительно, что выдающийся дальневосточный энтомолог, неутомимый полевик и один из основателей исторической зоогеографии Алексей Иванович Куренцов всю жизнь был неравнодушен к высоким горам, упорно стремился их обследовать. Вряд ли кто-то из его коллег посетил больше высоких вершин Сихотэ-Алиня, чем он. В 1920–1940-х годах Куренцов неоднократно становился их первовосходителем и, по-видимому, считал, что имеет полное право присваивать безымянным свои названия. Поскольку в систематике главенствует принцип приоритета первой публикации, то в 1937 г. в честь своих проводников он дал имена «Цосокбуга» и «Довери» вершинам в горном узле района г. Ко, а в 1948 г. – имена Л.С. Берга, В.К. Арсеньева, «Сатима», «Цогугда» соседним горам в узле Лаобейлаза (ныне – хребет Арсеньевские Граниты). Эти названия вместе со схемами их взаиморасположения и маршрутами восхождений он опубликовал в своей научно-популярной книге «К неведомым вершинам Сихотэ-Алиня» (1953). К великому сожалению, они не попали на топографические карты, хотя случай этот не единичный, нам известны и другие подобные (см. Новомодный, 1999).

Похоже, что, не смотря на личные контакты с И.В. Кожанчиковым, он не был проинформирован о его с отцом поездке на Становой хребет. Так, в монографии «Энтомофауна горных областей Дальнего Востока СССР» в обзоре «научно-исследовательских экспедиций», говоря о северном Приамурье, А.И. Куренцов упоминает только о «поездке В.Ч. Дорогостайского на Становой хребет [в 1914 г., хотя в оригинале «Яблоновый»: см. Дорогостайский, 1915 – Е.Н.], И.В. Кожанчикова – в хребет Тукурингра» (Куренцов, 1967). А в его определителе «Булавоусые чешуекрылые Дальнего Востока СССР» мы нашли лишь одну(!) на всю книгу фразу про бабочку-чернушку *Erebia medusa*: «еще восточнее [этот вид] известен с гор Тукурингра (сборы В. Кожанчикова)» (Куренцов, 1970).

Однако член Русского энтомологического общества [далее – РЭО] барон Александр Александрович Штакельберг (1897–1975) в голодном и холодном Петрограде 1917 года уже имел полевые материалы оттуда, чтобы после их обработки выдать на-гора научную публикацию: «Настоящая заметка является результатом обработки небольшого сбора двукрылых, произведенного В.Д. Кожанчиковым на Яблоновом хребте. (Сбор этот в настоящее время поступил в Зоологический Музей Академии наук). <...> Помимо новых для науки форм, [он] дал много ценного для зоогеографии: для одних видов значительно отодвинул границу их распространения к востоку; для других же <...> помог выявить связи между такими разобщенными пунктами их обитания, как Европа с одной стороны и Северная Америка с другой» (Штакельберг, 1921 [1917]). По-видимому, свидетельством его дружбы с Кожанчиковыми являются также слова из уже цитированного нами некролога, об особой роли отца в воспитании выдающегося энтомолога: «И.В. Кожанчиков родился в [Санкт-] Петербурге 23 февраля 1904 г. в семье большого любителя природы, энергичного энтомолога-собираателя, крупного исследователя-систематика и вместе с тем музыканта и композитора Василия Дмитриевича Кожанчикова» (Штакельберг, 1959). (Как выяснилось, старший брат Игоря – Лев был его одноклассником).

Но долгое время о судьбе В.Д. Кожанчикова историки молчали, и лишь недавно ему посвятили несколько публикаций, основанных на архивных документах госучреждений и семейных коллекциях фотодокументов (Максимов, 2022, 2024; Нагорных, 2022; Завгородняя, 2025). В них освещается его деятельность на посту заведующего Государственным музеем им. Н.М. Мартыанова в Минусинске (1915–1929 гг.), особые заслуги в деле спасения и пополнения коллекционных, библиотечных и архивных фондов во времена Гражданской войны в Сибири и сразу после нее, организации на базе музея научно-исследовательской деятельности (прежде всего, в создании образцовой коллекции западносибирской энтомофауны), в издании «Ежегодника» музея. За подробностями минусинского периода жизни Кожанчикова-отца мы отсылаем к этим добротным исследованиям, а целью своей публикации считаем выяснение причинно-следственных связей в формировании его личности, рода занятий и особенностей социального поведения в семье и обществе.

Василий Дмитриевич Кожанчиков (4.12.1866, Санкт-Петербург – 24.03.1939, Минусинск, Красноярский край) и сам происходил из семьи неординарного человека своего времени, литературного редактора, книгоиздателя и книгопродавца Дмитрия Е[в]фимовича Кожанчикова (ок. 1821–1877, Санкт-Петербург) (Максимов, 2022). Отец его – выходец из крестьян Рязанской губернии, «не получил систематического образования. В гимназию поступил уже юношей. Рано женившись и уйдя из гимназии, [записавшись в сословие московских мещан], он некоторое время работал кассиром в Дирекции московских театров. Его страстью стала современная литература. Увлёкся <...> теориями французских социалистов-утопистов и даже выучил [для этого] французский язык. По словам близкого знакомого, у Кожанчикова «был шкаф, битком набитый запрещенными книгами на французском, проповедующими теории самые крайние, невозможные» (цит. по Баренбаум, 2003). В 1853 или в 1855 году он

переехал в Санкт-Петербург и взял на себя управление издательством А.А. Краевского, завязав знакомство со многими известными отечественными литераторами, а потом открыл собственное дело, и его книгоиздательство стало одним из крупнейших. Помимо беллетристов, издавал и деятелей отечественной науки: Ф.И. Буслаева, А.Ф. Гильфердинга, Н.И. Костомарова; впервые – своего друга, этнографа-популяризатора С.В. Максимова (1831–1901). Кроме книжной торговли и издательства, занимался и другими купеческими делами, но неудачно, и в середине 1870-х гг. разорился, а для спасения оставшихся капиталов влился в книготорговую фирму «А. Черкесов и К^о». «12 декабря 1877 г. Д.Е. Кожанчиков скоропостижно скончался от апоплексического удара [кровоизлияния в мозг]» (Баренбаум, 2003).

«По характеристике публициста Г.З. Елисеева, это был «человек, понимающий торговое дело, осторожный, одаренный... ловкостью найти всюду нужные входы и выходы и умением не упустить своего интереса там, где он скольконибудь наклеивается». По свидетельству того же Елисеева, в начале шестидесятых годов открытый в 1858 г. «Магазин русских и иностранных книг Комиссионера [посредника при торговых операциях – Е.Н.] Императорских университетов: [киевского] Святого Владимира, Дерптского и Харьковского, Археографической комиссии, Археологического общества Д.Е. Кожанчикова» (по адресу: Невский проспект, 54), был «самый блестящий из всех петербургских магазинов. Он пользовался не только сочувствием всей образованной публики новых воззрений, но около него группировалась почти вся литературная [либеральная] пресса того времени. Действительно, в 1860-х годах при книжном магазине Кожанчикова находились конторы известных демократических и либеральных изданий – «Отечественные записки», «Юридический вестник», «Искра», «Современное слово» (Баренбаум, 2003). Со временем, каждый год выкупая купеческие свидетельства Санкт-Петербургского временного купца сначала второй, а потом первой гильдии на право торговли, он открыл свои магазины в Казани, Харькове, Одессе и Варшаве.

Интересно, где располагалась его торговая точка, – напротив, через улицу, от зданий Императорской публичной библиотеки (ИПБ), и «заметную часть времени хозяин проводил не в своем магазине, а в трактире, расположенном возле самой библиотеки. Здесь, в доходном доме купца Балабина, в то время была устроена гостиница, а на первом этаже находился трактир, прозванный его завсегдатаями «Балабаевкою». Тут сложился своеобразный клуб общения литераторов и ученых, которые, позанимавшись в ИПБ, шли сюда перекусить. Историк Н.И. Костомаров вспоминал: «Незаметно для нас самих вошло в обычай сходиться в этом трактире и за чашкой чая беседовать о том, чем кто из нас занимается (...) и в продолжении многих лет почти каждый день можно было встретить там Дмитрия Ефимовича». Костомаров даже утверждал: «Не будь там Дмитрия Ефимовича Кожанчикова, не сходились бы туда все господа, которых можно было там встретить: Кожанчиков был как бы фокусом, соединявшим весь круг лиц, не имевших между собою положительной непрерывной связи» (Баренбаум, 2003). О себе Д.Е. Кожанчиков писал так: «я, прежде всего, москвич и горжусь этим; и (...) скажу Вам откровенно, что Петербург очень

мало имеет на меня влияния. Я все остался тем же русским, своеобразным, как наш народ, из которого я вышел. Примите в расчет хотя одно – ведь я был крепостным Новосильцева. А отсюда все петербургски чиновнические стремления отразились на мне столько же, как реформы Петра на нашем народе» (цит. по: Федотов, 2014).

Современными исследователями истории русской литературы опубликованы десятки его писем из переписки с писателем-драматургом Александром Николаевичем Островским (1823–1886) и издателем-редактором московской газеты «День» Иваном Сергеевичем Аксаковым (1823–1886) (Бадалян, 2016; Федотов, 2014). Очень интересно и поучительно их содержание, раскрывающее сложности книгоиздательской «кухни». Читая эти архивные документы, мы согласны с авторами их публикации, что они «позволяют не только более объективно посмотреть на финансовые обстоятельства взаимоотношений Островского с издателями, но и пошатнуть «презумпцию виновности» издателя перед русским писателем, присутствующую в русском культурном сознании. ...Издатель, берущий на себя финансовые риски, оказывается едва ли не более «страдающей» фигурой, чем сам писатель. При этом коммерческую мотивацию издателя мы не будем, конечно, считать компрометирующей» (Федотов, 2014). Бизнес без результата в виде прибыли невозможен.

Некоторые биографы пишут, что «увлечение жуками и бабочками может быть семейным, передаваться из поколения в поколение, наверное, на генном уровне. Отец, Дмитрий Ефимович, был увлеченным энтомологом-любителем, занимался чешуекрыльями Санкт-Петербургской губернии. Второе поколение – Василий Дмитриевич, (...) увлекался чешуекрыльями. Третье поколение – его сыновья, особенно Игорь Васильевич, считавшийся одним из признанных специалистов страны по Noctuidae» (Нагорных, 2022). Действительно, это хороший пример наследования рода занятий от отца к сыну, но совсем не редкий в купеческой среде, однако, нам не удалось найти имени Д.Е. Кожанчикова ни в списках РЭО, ни в статьях об энтомофауне окрестностей Санкт-Петербурга.

Теперь, когда мы выяснили, в семье какого интеллигентного купца, души общества, строившего свое дело на столь тонкой материи, каковой является созданная в процессе творчества интеллектуальная собственность, родился и воспитывался В.Д. Кожанчиков, нам стала понятна мотивация его деятельности на посту заведующего Минусинским музеем, когда он, «как заведующий Музея, с осени 1919 г. не получал зарплаты, [но] всё же, и в это тяжёлое время [ему] удалось не сокращать деятельности музея и библиотеки, так как, с одной стороны, библиотека давала небольшой доход, а с другой, мы с женой и с будущим сотрудником музея товарищем Цыганковым давали постоянно платные концерты, на доходы от которых покупались книги и экспонаты» (цит. по Максимов, 2022). «Эта причудливая экономическая схема, в которой Кожанчиков-пианист будет материально поддерживать работу Кожанчикова-исследователя и заведующего Музеем, безотказно работала и далее» – пишет Р.Э. Максимов. А как может быть иначе? У предпринимателя все средства (материальные и нематериальные) должны быть в обороте, ведь никогда не знаешь, какая из отраслей хозяйства даст прибыль, а какая прогорит.

По национальности его мать, Генриетта Петровна была немкой, уроженкой г. Шверин (Мекленбург-Передняя Померания), очень энергичной женщиной, – вероятно, также из купеческого сословия. Это был второй брак отца. В России, сдав экзамены при Санкт-Петербургском университете, она получила свидетельство на звание домашней учительницы, и понятно, что с начальным обучением детей проблем не возникало. В семье их было пятеро; известно, что за месяц до рождения Василия один мальчик умер в годовалом возрасте (см. Федотов, 2014). Естественно, что все они свободно владели материнским немецким языком, а Василий Дмитриевич, судя по воспоминаниям, по-русски говорил с заметным акцентом (Максимов, 2022).

Об его образовании. В 1879–1885 гг. он учился в Санкт-Петербургском первом реальном училище в качестве стипендиата Санкт-Петербургской городской распорядительной думы. При этом одновременно бесплатно брал уроки игры на фортепьяно у профессора Петербургской консерватории П.А. Зиновьева. В автобиографии Василий Дмитриевич относит начало своего увлечения естественными науками и, особенно, зоологией ко времени обучения в реальном училище. Ему было тогда 13–19 лет. В 1888 г., когда Кожанчиков поехал в Вену (Австро-Венгрия) «заканчивать свое музыкальное образование у профессора Теодора Лешетицкого [воспитавшего более тысячи пианистов, учителя самого Зиновьева – Е.Н.]», то там, помимо уроков игры на рояле, он в качестве вольнослушателя посещал в Венском университете «лекции по естествознанию и участвовал в кружке студентов – любителей зоологии. Из этого кружка вышел умерший недавно знаменитый энтомолог Э. Райттер» (цит. по: Максимов, 2022). Конечно, В.Д. Кожанчиков вовсе просто так упоминает в своей автобиографии известнейшего среди колеоптерологов мира человека. Этим он хотел подчеркнуть, что и сам прошел ту же школу, что и Э. Райттер.

Эдмунд Райттер [Edmund Reitter, 1845–1920] родился в г. Мюглиц (Моравия) в семье лесника. После начального и очень короткого среднего образования (всего 4 класса!) в г. Троппау (ныне – г. Опава, Чехия) началась его трудовая деятельность как эконома на службе у чешских землевладельцев. Однако эта служба оставляла ему достаточно времени для дальнейшего образования и общения с природой, например, ловли бабочек. Но вскоре он переключился на жуков. В 1867 г. Эдмунд предпринял свою первую экспедицию по сбору насекомых – в Восточные Карпаты. Коллекционирование насекомых в то время было популярным видом хобби, – подобно ботанике или филателии, так как многие недостающие экземпляры можно было купить. Райттер, с 1869 г. работавший в Паскау (ныне – Пасков, Чехия) управляющим прудового хозяйства и финансовым консультантом у графа Сен-Женуа, и женившийся в 1871 г., несомненно, был очень предприимчивым человеком. В 1879 г. он уже открыл в Вене магазин, продававший насекомых и литературу о них, первоначально называвшийся «Институтом естественной истории», прибылью которого обеспечивалось финансирование дальнейших экспедиций по их сбору. Торговля насекомыми у Райттера была весьма обширной; он отправлял коллекционеров, например, своего бывшего компаньона Ганса Ледера (Leder,

Hans; 1843–1921) на Кавказ, в Армению, Сибирь и Монголию, откуда они привозили очень интересные коллекции массы новых для науки видов, большинство из которых Райттер описывал сам. Кстати, этот Ледер был как бы «внештатным» членом «команды энтомологов» при русском Великом князе Н.М. Романове, получал от него финансирование, совершал по его заданиям поездки по России и в Монголию, дружил с Г.И. Радде и Г.И. Сиверсом, подолгу жил в Тифлисе [ныне – Тбилиси].

Экспедиции по сбору насекомых и самого Райттера вели в Восточную и Юго-Восточную Европу. Как коллекционер, он добился огромного успеха, отчасти потому, что первым применил сито, чтобы извлекать жуков из опавшей листвы и подобных материалов, – метод, который он также популяризировал среди коллег. В 1881 г. он перевел свой бизнес в г. Мёдлинг (близ Вены), а оттуда, по просьбе своей второй жены, от которой у него было пятеро детей, в 1891 г. вернулся в Паскау (Heikertinger, 1920). С момента своего переезда в Вену и до самой смерти он упорно трудился в качестве систематика жесткокрылых, причем брался буквально за все систематические группы, что является уникальным случаем в истории колеоптерологии. Прямолинейной, открытой и бескомпромиссной манерой работы он инициировал многие разработки своего времени или выступил в качестве катализатора, помогая принять прорывные решения в систематике. Его издательская миссия заключалась в том, чтобы сделать все семейства местных жуков доступными для идентификации неискушенными любителями с помощью дихотомических таблиц и каталогов. Кульминацией этих работ стал «Каталог жуков Европы, Кавказа и российской Армении» (*Catalogus Coleopterorum Europae, Caucasi et Armeniae Rossicae* 1906 года), написанный Гейденом, Райттером и Вайзе в соавторстве (Hetschko, 1915).

О его личности биограф писал: «Райттер был крепким человеком, живым и подвижным, энергичным, дружелюбным и отзывчивым. Он охотно поддерживал научные исследования, присылая материалы; мелочность была ему чужда. Как специалист-систематик он был полон искреннего сочувствия к нуждам коллег и всегда был готов прийти им на помощь» (Heikertinger, 1920). Прежде всего, Эдмунд Райттер стал известен широкому кругу людей как автор книги «Fauna Germanica» (1908–1916) в пяти томах, опубликованной по заказу Немецкой ассоциации преподавателей естествознания большим тиражом в 35 тыс. экземпляров, что для того времени невероятно. Настоящий бестселлер! За свою жизнь он сумел опубликовать 1118(!) оригинальных работ, из которых, кроме «Fauna...», особенно известными стали «Определительные ключи европейских жуков» (86 томов), изданные в 1879–1919 годы (Hetschko, 1915).

Способность Эдмунда Райттера создавать качественные определительные дихотомические ключи, несомненно, свидетельствует о его особом таланте. «Людвиг Гангльбауэр [Ganglbauer, Ludwig; 1856–1912; колеоптеролог, директор Венского естественно-исторического музея] называл Э. Райттера гением. Действительно, как никто другой, он обладал врожденным острым «взглядом систематика». Его способность обнаруживать новые, незамеченные ранее признаки, имеющие принципиальное значение для распознавания животных,

до этого уже исследованных сотни раз, аналитически различать формы и четко группировать их, практически не имеет аналогов. Однако было бы искажением памяти о нем скрывать тот факт, что иногда этот гений был небрежен в работе из-за чрезмерной поспешности. Райттер составлял обширные таблицы всего за несколько дней» (Heikertinger, 1920). Именно в этих поразительно коротких сроках создания ключей для определения проявлялся его поистине выдающийся классификаторский талант. Отношения между ним и Гангльбауэром были довольно тесными, современные биографы говорят об их дружбе. В 1881 г. они основали очень популярное издание «Wiener Entomologische Zeitung» [Венскую энтомологическую газету – Е.Н.], которую Райттер издавал и редактировал самостоятельно с 1894 по 1915 гг., опубликовав в ней многие свои работы. В конце жизни он получил придворный чин королевского советника. Последние годы жизни Эдмунда были омрачены хроническим бронхитом и эмфиземой легких, но он работал и в постели, – практически до последнего вдоха.

Коллекция жуков, собранная им, сейчас находится в Венгерском национальном музее естественной истории в Будапеште, куда он вынужден был продать ее за 30.000 крон, разорившись из-за последствий Первой мировой войны. Ценность этой коллекции из 250.000 экземпляров, размещенных в 16 шкафах с примерно 440 энтомологическими ящиками в том, что она содержит около 30.000 видов идентифицированных палеарктических жуков, включая оригинальные типовые экземпляры около 5.000 видов, подвидов или разновидностей.

В 1896 и 1901 гг., соответственно, Эдмунд Райттер и Людвиг Гангльбауэр были приняты в Почетные члены РЭО, и это не удивительно, ведь «во время заграничных поездок П.П. Семенов-Тянь-Шанский [Президент РЭО] «...» всегда устанавливал личные знакомства с энтомологами во всех городах, где бывал. Так он познакомился с [систематиками] Г. Крацем и Ю. Вайзе в Берлине, Л. Гангльбауэром в Вене, Л. Беделем в Париже, Р. Гестро в Генуе, Ю. Даниэлем в Мюнхене, Э. Райттером в Паскау и О. Штаудингером в Дрездене. Вместе с тем, во время этих поездок, рядом с посещениями музеев и знакомых энтомологов, Петр Петрович всегда посещал и торговцев насекомыми для покупки и отбора нужного материала» (Кузнецов, 2018). Они, бывая в России, или через одалживание и обмен материалами по почте, в свою очередь, неоднократно участвовали в обработке «семеновского собрания насекомых», встречались и общались с П.П. Семеновым и, возможно, другими русскими энтомологами.

Труды Райттера оказали влияние не на одно, а сразу на несколько поколений колеоптерологов, а в некоторых случаях остаются актуальными даже сегодня. И не только из-за описанных им многочисленных видов (более 6.000) и родов (около 1.000), – в основном с Кавказа и внутритропической части Азии, но также хороши его обзоры крупных таксономических единиц и зоогеографических областей. Нам документально неизвестно, встречался ли В.Д. Кожанчиков с ним лично, но это весьма вероятно ввиду его неоднократных вояжей за границу.

В 1890 г., завершив свое музыкальное образование, Кожанчиков поступил на естественный факультет старейшего германского вуза – Гейдельбергского

университета, который окончил в возрасте 26 лет (1892 г.). К сожалению, ни один из биографов не сообщает, с дипломом какого уровня образования он это сделал. Два года – этого очень мало хотя бы для диплома лицензиата, – лица, сдавшего на четвертом курсе 3-4 экзамена по профильным для научной специальности предметам, – как случилось, например, у «нашего» предыдущего героя Николая Флегонтовича Иконникова (см. Новомодный, 2025).

Как видно, во время учебы В.Д. Кожанчиков, похоже, находился на распутье в выборе занятия по душе на всю жизнь. Но, тем не менее, вернувшись в Санкт-Петербург, он встал на музыкальную стезю: в качестве педагога занимался преподаванием игры на клавишных инструментах, а концертной деятельностью – как солист и концертмейстер. Ездил на гастроли в Прагу, Берлин и Вену. Последним местом работы в Санкт-Петербурге перед переездом в Сибирь был Мариинский театр (Максимов, 2022). Однако, юношеское увлечение коллекционированием насекомых в конце концов переросло в научное хобби, а потом и в профессию энтомолога. Во всяком случае, в статье «Кожанчиков В.Д.» в «Сибирской советской энциклопедии», за автором которой угадывается он сам, написано, что он – «энтомолог. С 1886 по 1892 слушал лекции по естествознанию в Ун-тах Венском, Мюнхенском и Гейдельбергском, и одновременно получил законченное музыкальное образование. В области энтомологии специализировался на жесткокрылых, по к-рым с 1909 по 1914 опубликовал 7 работ в «Рус. Энтомолог. Обозрении» и «Arch. f. Naturgeschkhte». Совершил ряд энтомолог. экскурсий по европ. и азиат. частям Союза до Закаспийской обл. и ДВ края. С 1915 до 1929 К. заведывал Гос. музеем имени Н. М. Мартянова в Минусинске, занимаясь изучением фауны чешуекрылых. В 1923 по инициативе К. начат выпуск «Ежегодника Гос. Музея имени Н. М. Мартянова в г. Минусинске», посвященного изучению Минусинского края. В 9 первых вв. содержатся 5 работ К. по чешуекрылым Минусинского края» (Аноним, 1931).

Как случилось, что он увлекся насекомыми, что стало толчком, биографам доподлинно неизвестно, но есть основания предполагать, что первым ими начал заниматься его старший брат, Дмитрий Дмитриевич Кожанчиков (14.07.1864–?), выпускник Императорского Санкт-Петербургского коммерческого училища 1885 года, в котором в течение шести лет обучались, готовясь к профессии, только мальчики из купеческих семей. Со временем он стал служащим Санкт-Петербургской конторы Государственного банка Российской Империи, помощником бухгалтера 2 разряда. Имел звание личного почетного гражданина, присваивавшееся лицам недворянского происхождения за какие-либо заслуги или в силу образовательного ценза. Однако в один из периодов своей молодости был так сильно увлечен коллекционированием и систематикой жуков, что один год (1892) даже служил консерватором в РЭО (Завгородняя, 2025).

Нужно признать, что охота за всякой «пузатой мелочью» была не таким уж редким занятием среди юных петербуржцев, тем более что они могли видеть в окрестностях города, как этим занимаются взрослые «дядьки». У молодежи была возможность спросить у кого-то что и как называется. Этот демократизм в среде живо интересующихся энтомологией людей, большинство из которых

составляли любители, отмечают как особенность организации РЭО профессор Е.Н. Павловский и Н.Н. Филиппев (Павловский и др., 1936). В «Кратком очерке деятельности РЭО за первые 50 лет его существования» тоже подчеркивается, что «очень многие из членов общества деятельно изучали фауну Санкт-Петербургской и прилегающих губерний, делая постоянные экскурсии» (Якобсон, 1910). Часть из них практиковали коллективные вылазки на природу, чтобы похвастаться перед друзьями теми местонахождениями, в которых этим счастливицам повезло обнаружить энтомологические диковинки. Г.Г. Якобсон приводит длинный список из пятидесяти фамилий лиц, которые «особенно много потрудились в этом отношении». Среди них один из отцов-основателей РЭО гименоптеролог Ф.Ф. Моравиц (наставник А.П. Семенова-Тян-Шанского в систематике), лепидоптерологи О.В. Бремер и Н.Г. Ершов, колеоптерологи С.М. Сольский, А.Г. и Г.Г. Якобсоны, Г.В. Олсуфьев, герои этого нашего исследования Д.Д. и В.Д. Кожанчиковы и другие.

Из купцов-книгоиздателей вышли не только братья Кожанчиковы. В другой санкт-петербургской книгоиздательской династии – Глазуновых, также родился свой энтомолог, Дмитрий Константинович Глазунов (1869–1913), который после учебы в университете Сорбонны (Франция) стал профессиональным энтомологом, с 1892 г. фактически работавшим для российской Академии наук путешествующим коллекционером-натуралистом. Он тоже с детства показывал выдающиеся результаты игры на фортепьяно, но музыкантом, как его старший брат Александр, знаменитый композитор, профессор и директор Санкт-Петербургской консерватории, не стал. Сборы из экспедиций, совершавшихся часто при финансовой поддержке Императорского Русского географического общества (ИРГО), он передавал для обработки в Зоологический музей и РЭО, а также П.П. Семенову-Тян-Шанскому в так называемое «Семеновское собрание насекомых» (см. Семенов-Тян-Шанский, 1914; Кузнецов, 2018). Небольшую долю своих сборов он обработал самостоятельно, а большую – другие узкие специалисты-энтомологи. Так, например, какую-то часть добытого в Туркестане взял на себя Д.Д. Кожанчиков (см. Koshantschikov D., 1894c).

Действительным членом РЭО Дмитрий Дмитриевич стал в 1888 г., но кто его рекомендовал (а это требование Устава) – нам неизвестно. А вышел из него уже в 1894-ом г. И это удивительный момент! Обычно такие увлечения длятся всю жизнь. Причем в 1892 г. он был членом Совета РЭО и занимал должность консерватора (хранителя коллекций, принадлежащих РЭО). За это время он опубликовал восемь статей, в большинстве посвященных описанию новых для науки видов пластинчатоусых жуков из родов *Aphodius* и *Lethrus*, собранных на территории Средней Азии (Koshantschikov D., 1891, 1893, 1894a, 1894b, 1894c, 1894d, 1894e, 1894f). Чаще всего они соседствуют с аналогичными работами по систематике на основе материалов, добытых там же, но выполненных Г.Г. Якобсоном и А.П. Семеновым (как известно, с 1906 г. ставшим Семеновым-Тян-Шанским). Вполне допускаем, что в этот период Дмитрий Кожанчиков работал и с вышеупомянутым «семеновским» собранием, хотя у них на двоих с братом тоже имелась домашняя коллекция жуков-афодиев, на

которую в своих статьях ссылается даже А.П. Семенов. По-видимому, по договоренности с кем-то из систематиков (Семеновым, Якобсоном, Райттером?) они специализировались на группе этих мелких жуков-навозников в связи их малой изученностью. Ведь в данном роде сейчас насчитывают более 700 видов (!) и множество подродов, а в те давние времена многие из них были еще неизвестны, т.е. не имели научного названия. Их нужно было назвать и «встроить» в определенную таблицу, как этому учил Э. Райтгер. Надо сказать, что в этом деле братья преуспели, но только Василий к этому процессу почему-то подключился на десять лет позднее (Koshantschikov W., 1910, 1911a, 1911b, 1912, 1913a, 1913b, 1916). Плоды их трудов как систематиков-таксономистов впечатляют. Ими описаны подроды *Aphodaulacus* W. Koshantschikov, 1911; *Aphodaulacus* W. Koshantschikov, 1911 и виды *Aphodius makowskyi* D. Koshantschikov, 1891; *A. grombczewskyi* D. Koshantschikov, 1891; *A. interstitialis* D. Koshantschikov, 1894; *A. haroldi* D. Koshantschikov, 1894; *A. planus* D. Koshantschikov, 1894; *A. variicolor* D. Koshantschikov, 1894; *A. plustschewskii* D. Koshantschikov, 1894; *A. digitalis* D. Koshantschikov, 1894; *A. stereotypus* D. Koshantschikov, 1894; *A. lucifer* D. Koshantschikov, 1894; *A. glasunovi* D. Koshantschikov, 1894; *A. fronticornis* D. Koshantschikov, 1894; *A. nodulifer* D. Koshantschikov, 1894; *A. subtilis* D. Koshantschikov, 1894; *A. jacobsoni* W. Koshantschikov, 1911; *A. baigakumi* W. Koshantschikov, 1911; *A. falcispinus* W. Koshantschikov, 1912; *A. georgii* W. Koshantschikov, 1912; *A. roddi* W. Koshantschikov, 1911; *A. crimensis* W. Koshantschikov, 1913; *A. dobrovljanskyi* W. Koshantschikov, 1913. Есть и вид, названный в их честь: *Aphodius koshantschikovi* Jacobson, 1911. И это только достижения в колеоптерологии. У Василия много их и в лепидоптерологии.

По-видимому, уход Д.Д. Кожанчикова из РЭО объясняется тем, что он продал свою коллекцию жесткокрылых П.П. Семенову. Для большинства любителей это означало бы полное прекращение занятий энтомологией как своим хобби. Приведем письмо Семенова-отца Семенову-сыну, из их переписки, опубликованной потомками, нашими современниками:

«20.09 / 2.10.1892 г. Вена. Милый, дорогой Андрюша, сегодня воскресенье <...>. Я уложился и выезжаю в 12 часов отсюда, буду в Петербурге, если Бог даст, 22 сентября во вторник, на 21 день после выезда. В Испанию не поехал <...>, в Генуе обошлось все благополучно, <...> понедельник, вторник пробыл в Милане <...>, из Милана прямо в Вену, где пробыл три дня – четверг, пятницу, субботу. Представь себе, что Гангельбаур, поджидая меня, выписал Рейтера [Райттера – мы используем современное прочтение его фамилии – Е.Н.], так что мы все сошлись в Венском музее <...>. По содержанию своему музей конечно отнюдь не богат, а вероятно беднее академического [видимо, имеется ввиду Санкт-Петербургский Зоологический музей], порядок тот же, т.е. хорошо подобраны [скомплектованы] некоторые семейства, а другие не показываются, еще не систематизированы. Подобраны Carabidae, Scarabeidae, Vuprestidae, Cerambycidae, кажется, Staphylinidae и немногие другие. Вчера вечером Гангельбаур притащил мне коробочку с отобранными для меня наскоро

раритетами. Оба тебе очень, очень кланяются и ждут от тебя твоих дальнейших произведений [научных статей – Е.Н.], которыми очень довольны и крайне интересуются. Оканчивая писание, вспомнил еще одно. В день моего отъезда прибегал ко мне Кожанчиков с просьбою купить всю его коллекцию за 250 рублей с уплатою немедленно 200, нужных ему до зарезу. Коллекция копрофагов оказалась превосходною, и это сделаем, как с чичеринскою [что?]. Захочет взять академический музей, может быть отдано, не захочет, останется за мною. Всей душою твой П. Семенов» (Семенов-Тянь-Шанский и др., 2017).

В 1894 г. Василий Дмитриевич Кожанчиков женился на девице-мещанке Марии Петровне Валуевой (ок. 1878–1939), обладавшей прекрасными певческими данными. Известно, что муж приложил все усилия, чтобы развить ее природные музыкальные способности, превратить в оперную певицу. Теперь они могли выступать в паре, как вокалистка и аккомпаниатор. В браке с ней родились дети: две дочери – Галя (ок.1895–1946) и Татьяна (1901–1973), и два сына – Лев (1899–1931) и Игорь (1904–1958) (Завгородняя, 2025). Проживать они стали в дачном поселке Лигово, к юго-западу от Санкт-Петербурга, где помимо летнего жилья на участках было построено много обычных жилых домов и построек общественного назначения вплоть до театра, кинематографа, женской гимназии, почтово-телеграфной конторы и библиотеки. От железнодорожной станции Лигово Балтийской железной дороги до Петербурга на поезде всего 18 минут, плата за проезд – небольшая. Окрестности Лигово являлись одним из любимейших экскурсионных мест петербургских энтомологов, – об этом свидетельствуют заметки, встретившиеся нам в «Русском энтомологическом обозрении».

Дети подрастали, денежные траты на них постоянно росли, и Василий Дмитриевич вернулся к своему давнему увлечению энтомологическим коллекционированием, но не просто для умственных упражнений, а с целью пополнения семейного бюджета и пользы здоровью. По опыту пребывания в Германии и Австро-Венгрии, он помнил, что это занятие возведено там чуть ли не в ранг национального вида спорта. И в Западной Европе гораздо больше, чем в России, страстных любителей этого дела, поэтому на нем можно неплохо заработать. В.Д. Кожанчиков так писал о своей жизни с 1909 г. (или с 1907-го?) до 1915 г.: «Вся жизнь моя протекала в музыкальной деятельности в течение зим, а летом я каждый год уезжал на исследования в разные местности России. Я исследовал Крым, Кавказ, Туркестан (Сыр-Дарьинскую и Закаспийскую области), Александровский и Яблоновый хребты» (цит. по Максимов, 2022). Следует напомнить, что в те далекие времена, когда еще не изобрели антибиотики, многие горожане стремились летом рассредоточиться и оздоровиться, живя за городом, среди природы или поехав на курорт со здоровым климатом. В XIX – нач. XX вв. о Санкт-Петербурге говорили как о чахоточной столице. Скудность населения, плохие жилищные условия, плохая еда способствовали массовому развитию туберкулеза. Причем болели люди всех сословий. Кожанчиковым было просто необходимо всей семьей уезжать на юг, к тому же там дешевле обходилось питание.

В те времена, как и сегодня, весьма желательно было иметь документ, подтверждающий законность деятельности указанного в нем лица. Поскольку Василий Дмитриевич являлся частным предпринимателем, то для статуса энтомолога-сборщика ему было необходимо вступить в РЭО, чтобы получить доступ к библиотеке и коллекциям, участвовать в собраниях, брать у его руководства отношения для обращения к любым властям, – в широком смысле пользоваться его покровительством. Для этого В.Д. Кожанчиков просит принять его в общество, и на заседании, состоявшемся 9.02.1909 г. Совет избрал его в члены-корреспонденты, на первую, низшую ступень.*

Спустя четыре года, с учетом результатов, достигнутых им в проведенных за это время экспедициях и опубликованных таксономических работах по жукам-навозничкам *Aphodiini*, 9.12.1913 г. он был повышен в ранге избранием в число действительных членов общества, согласно рекомендациям, данным ему старыми членами РЭО - О.И. Ионом, Г.Г. и А.Г. Якобсонами.**

Собранные В.Д. Кожанчиковым материалы расходились тем энтомологам, которые заранее что-либо заказывали сборщику, либо хотя бы частично, в виде задатка, финансировали его поездку. Такая практика всегда была широко распространена между членами РЭО. Кроме *Aphodiini*, которыми занимался он сам, остальные жуки и перепончатокрылые в основном шли на пополнение домашней коллекции его главного спонсора, в «Семеновское собрание насекомых», поскольку А.П. Семенов-Тянь-Шанский прямо называет его имя среди тех, кто был «направлен и субсидирован на энтомологические поездки Петром Петровичем лично» (см. Кузнецов, 2018).

Но Василий Дмитриевич, будучи профессиональным коллектором, как выяснилось, старался собирать все доступное и по максимуму, рассчитывая на то, что в дальнейшем покупатели найдут его сами. В подтверждение этого вывода приведем содержание рекламного объявления, которое он несколько раз давал в 1911 г. в одном из немецких периодических изданий энтомологической направленности: «W. Koshantschikoff. Russland, Ligowo bei St. Petersburg. Verkauft der Coleopteren-Ausbeute von 1910 aus Central-Asien, Beigakum im Syr-Daria-Gebiet, familienweise außer *Aphodiini*, alles unpräpariert auf Watte, mit genauem Datum. Microlepidoptera (ungespannt), Geometridae (gespannt). Näheres schriftlich. [В. Кожанчиков. Россия, Лигово под Санкт-Петербургом. Продаю сборы жуков 1910 г. из Центральной Азии, Байгакум в Сырдарьинской области, по семействам, за исключением *Aphodiini*, все нерасправленные на вате, с указанием точных дат. Microlepidoptera (необработанные), Geometridae (обработанные). Более подробная информация в письменном виде – Е.Н.]».

---

* Русское энтомологическое обозрение, 1909 (1-2): VIII.

** Русское энтомологическое обозрение, 1914 (1): XVII.

По крайней мере, одного из покупателей мы нашли по его публикации. Рудольф Пюнгелер (Püngeler, Rudolf; 1857–1927) был прусским судьей и всемирно признанным лепидоптерологом. После окончания средней школы изучал право в Боннском университете. За время своей карьеры с 1891 г. он сначала служил окружным судьей г. Рейдт, а с 1895 г. в той же должности в г. Ахен (Северный Рейн-Вестфалия), где через 5 лет вышел на досрочную пенсию из-за мучивших его хронических мигреней. С самого раннего детства, видя увлечение своего отца коллекционированием бабочек, у него пробудился к ним исследовательский интерес, особенно к крупным чешуекрылым. Занимался он в любое свободное время, устанавливал контакты с известными специалистами по бабочкам, например такими, как Эрих Мартин Геринг [Hering, Erich Martin; 1893–1967], куратор коллекций насекомых в берлинском Музее естествознания (Museum für Naturkunde), который до 2009 г. являлся частью Университета имени Гумбольдта. Пюнгелер совершил много исследовательских поездок как внутри страны, так и за рубеж, и собрал крупную коллекцию бабочек, насчитывавшую более 60 тыс. экземпляров, описав при этом 6 новых родов, а также около 300 ранее неизвестных видов и форм, в основном Geometridae и Noctuidae. Его библиографический список включает 37 публикаций (Hering, 1927). В 1914 г. он выпустил работу, которая примерно наполовину состоит из обработки сборов В.Д. Кожанчикова за 1912–1913 гг. из окрестностей железнодорожной станции Байгакум на р. Сыр-Дарья, с окраины пустыни Кызылкум. (Судя по тому, что ездил туда не один раз, отличное место для семейного отдыха с сухим климатом для ослабленных петербургской сыростью людей).

Пюнгелер пишет в статье: «Ich verdanke diese und eine Reihe anderer, hier beschriebener Arten dem auszeichnieten Forscher Professor W. Koshantschikoff in Ligovo bei St. Petersburg und benenne sie ihm zu Ehren». [Я обязан этому и ряду других описываемых здесь видов выдающемуся исследователю, профессору В. Кожанчикову из Лигово под Санкт-Петербургом, и называю в его честь – Е.Н.]. Укажем эти таксоны: стеклянница *Pyropteron koshantschikovi* (Püngeler, 1914), пяденица *Selidosema modestaria* Püngeler, 1914, совки: *Catocala kusnezovi* Püngeler, 1914; *Mycteroplus cornuta* (Püngeler, 1914); *Pseudohadena seposita* Püngeler, 1914; *Pseudohadena evanida* Püngeler, 1914; *Pseudohadena elinguis* (Püngeler, 1914); *Sidemia (Luperina) johni* Püngeler, 1914; *Thargelia sitiens* Püngeler, 1914; *Diadochia saca* Püngeler, 1914; *Sidemia koshantschikovi* Püngeler, 1914 (Püngeler, 1914).

Налаженный семейством Василия Дмитриевича Кожанчикова образ жизни закончился для них поистине драматически, когда 26 февраля (11 марта н.ст.) 1914 года П.П. Семенов-Тянь-Шанский умер. Вскоре после смерти отца наследник его коллекции, Андрей Петрович Семенов-Тянь-Шанский решил передать ее в дар профильному учреждению, в котором он сам работал уже много лет – Зоологическому музею Академии наук (Кузнецов, 2018). Итак, не стало главного спонсора поездок и заказчика на материалы. Что было делать Кожанчикову-энтомологу? Нужно что-то менять! - Его тактический ход стал бы для нас неожиданным, если не знать о его купеческом происхождении.

В 1914–1915 гг. он с семьей проживал в Приамурье, в районе, богатым россыпными месторождениями золота. Действительно, почему бы не испытать судьбу, участвуя в этом бизнесе? Напомним, что баснословные прибыли при разработке девственных залежей сибирского и амурского золота позволили министру финансов графу С.Ю. Витте провести денежную реформу 1897 года: ввести свободный обмен кредитных билетов (бумажных денег) на золото, когда рубль вдруг превратился в твердую, обеспеченную золотым эквивалентом и уважаемую в мире валюту. По-видимому, через знакомых в Санкт-Петербурге Василию Дмитриевичу была известна местная обстановка, имелись нужные контакты, и по приезду он легко устраивался на административные должности, хотя, насколько мы осведомлены, не имел соответствующего образования.

Судя по датам сбора на этикетках коллекционных экземпляров, приводимых в нескольких статьях Л.А. Шелюшко и Н.С. Образцова, уже в июне 1914 г. они были на месте, в г. Зея, и собирали насекомых в ее окрестностях и на хр. Тукурингра вплоть до октября. Р.Э. Максимов пишет, что сразу по приезду «Василий Дмитриевич устраивается делопроизводителем при Окружном Министерстве [?] Зейского Горного Округа, а с приходом тёплого сезона [в 1915г.?] он находит другую работу, которая максимально способствует продолжению его энтомологических изысканий. В письме [А.П.] Семёнову-Тян-Шанскому от 1 марта 1915 г. из Зеи он пишет, что «в этом году мне не удастся поехать в Санкт-Петербург, так как я перешёл на службу в Верхне-Амурскую Золотопромышленную компанию в качестве Начальника Управления приисками Анабарского улуса и на днях должен выехать к началу летних работ в свой район. Жить я буду всё лето в верховьях р. Сутам притока р. Алдан (притока р. Лена) у подножья Яблоневого хребта (северный склон) на Викторовском прииске. Взял я эту должность потому, что, во-первых, она великолепно оплачивается, а затем потому, что я все время должен буду находиться на воздухе, так как у компании в этом районе до 30 приисков, которые требуют постоянного наблюдения, а, следовательно, у меня будет гораздо больше времени для экскурсий и в большем районе, чем в г. Зея» (цит. по: Максимов, 2024). В принципе, подтвердилось мнение В.В. Дубатолова, высказанное в книге «Чешуекрылые Зейского заповедника» о том, что «впервые в Зейском районе сборы бабочек проводил В.Д. Кожанчиков (возможно, со своими братьями), который работал на хребте Тукурингра в районе города Зея в 1914 году, вероятно, совместно с добычей россыпного золота. Эти сборы хранятся в Зоологическом институте РАН (Санкт-Петербург, Россия), а также в зоологическом музее Киевского государственного университета (Украина)» (Дубатолов и др., 2014).

Казалось бы, Василия Дмитриевича должно устраивать и материальное вознаграждение, которое платит компания, и есть неплохая возможность ловить насекомых, но есть «но», и не одно. Как известно, в это время основной рабочий контингент на приисках составляли пришлые китайцы, в массе пытавшиеся увезти с собой на родину ворованный или нелегально добытый золотой песок и самородки. Их караулили и задерживали официальные правоохранители, грабили бандиты всех мастей. В общем, была весьма криминогенная обстановка.

Кроме того, фактически рядом с этим районом находится холодноводное Охотское море с формирующимся над ним летом мощным антициклоном, неприятное влияние которого почти каждый год испытывает на себе и автор этой статьи, когда ездит в Буреинский государственный заповедник для мониторинга его энтомофауны. На другой странице того же письма Кожанчиков пишет о том же: «Эти части Дальнего Востока неуютны во всех отношениях, а главным образом климат: короткое лето и долгая зима. Вот почему я думаю, что в 1916 г., сделав поездку к Большому Хингану [а планировал в северо-восточную Монголию***] вернуться в Петроград, или же, если мне это удастся, переселюсь в Минусинск, где мне обещали похлопотать о должности хранителя Мартьяновского Музея» (цит. по: Максимов, 2024).

По семейному преданию, сохранившемуся в памяти младших поколений, Кожанчиковы якобы собирались путешествовать в Австралию с пересадкой в Японии. Для этого «в 1914 г. Василий Дмитриевич должен был получить денежные средства от Лондонского музея естествознания, чему способствовало личное знакомство и сотрудничество Кожанчикова со старшим зоологом Лондонского музея Олдфилдом Томасом [Thomas, Michael Rogers Oldfield; 1858-1929]» (Максимов, 2024). Амурская область якобы предназначалась в качестве трамплина для броска через Тихий океан. Но ничего не получилось из-за потери контакта с ним в связи с начавшейся 28 июля 1914 г. Первой мировой войной.

Однако, у нас возникла другая версия о причине этого двухлетнего вояжа. Возможно, Кожанчиков с подростками сыновьями планировал в 1914 г. дognать в г. Зея базировавшуюся вплоть до конца мая на Пиканском опытном поле Переселенческого управления экспедицию В.Ч. Дорогостайского на Становой хребет (в район оз. Ононон) и, присоединившись к ней, провести сборы насекомых в никем еще не исследованном месте. Процитируем начало статьи-отчета ее руководителя: «В январе 1914 г. мною был представлен в Императорскую Академию Наук проект экспедиции в Яблоновый хребет для изучения местной фауны. Организация подобной экспедиции мне казалась весьма желательной вследствие почти полной неизученности Яблонового хребта в фаунистическом отношении. Благодаря обязательному содействию Директора Зоологического Музея Академии Наук академика Н.В. Насонова [действительного члена РЭО с 1896 года – Е.Н.], я получил необходимые для поездки в Яблоновый хребет средства. 20-го марта я уже выехал из Москвы. В качестве помощников со мною отправились студенты Московского Университета С.С. Туров и С.А. Северцов; препаратором был приглашен Л.В. Тульпа. Кроме того, с нами поехал М.П. Розанов [тоже студент этого университета – Е.Н.], предполагавший коллектировать в Амурской области по собственному плану и на свои личные средства» (Дорогостайский, 1915). Отметим, что обычно такие поездки финансировались

*** Русское энтомологическое обозрение, 1915 (3): XLIX.

и проходили под эгидой ИРГО, а в этом случае, видимо из-за кончины П.П. Семенова-Тян-Шанского, давно отработанный вариант не прошел. Они почти упустили возможность проведения энтомологических сборов, так как ими попутно пришлось заниматься териологу С.С. Турову. Спихнулись уже потом: «Фауна насекомых Яблонового хребта оказалась крайне интересной и теперь приходится пожалеть, что мы не имели возможности посвятить энтомологическим сборам больше времени. Благодаря любезности Н.Я. Кузнецова и Г.Г. Якобсона, согласившихся предварительно просмотреть сборы, я имею возможность сообщить список наиболее интересных видов из нашей коллекции. В числе других были найдены бабочки и жуки: *Papilio machaon sibiricus*, *Parnassius Eversmanni*, *Erebia disa*, *Argynnis erda*, *Argynnis freja.*, *Argynnis frigga*, *Argynnis angarensis*, *Argynnis amphylochus*, *Oeneis pansa*, *Erebia discoidalis*, *Agrotis albuncula*, *Agrotis speciosa v. aegrota*, *Anarta sp.*, *Arctia sp.* (быть может, новый вид), *Hyperborea Czékanowskii*, *Arctia festiva.*, *Arctia alpina*, *Cyaniris argiolus*, *Lorenzia incurvata*, *Agrotis kolymae (?)*, *Monachamus impluviatus*, *Diachila poliata*, *Rhagonycha sp.*, *Podisma sp.*, *Monachamus sutor*, *Melanophilos acuminata*, *Prumna primnoa*, *Mysia ramosa*, *Evodinus variabilis*, *Carabus hummeli*, *Carabus billbergi*, *Cryptocephalus ochroloma*» (Дорогостайский, 1915). Если считать верной нашу гипотезу об энтомологических интересах В.Д. Кожанчикова в Амурской области, то проведение сборов в окрестностях г. Зея и на Тукурингре в 1914 г. следует признать вынужденным актом, пробуксовкой, а работу на Яблоновом (Становом) хребте в 1915 г. – исполнением намеченной им ранее цели.

Из-за Первой мировой войны В.Д. Кожанчиков потерял значительное, если не основное, число своих постоянных клиентов-энтомологов, потребителей и заказчиков в Германской империи и Австро-Венгерской монархии, а в родной Петроград, из-за неурядиц со снабжением, туда, где бал правила дороговизна, возвращаться с семьей было просто невыносимо. Нужно было осесть где-то в хорошем месте со здоровым климатом и развитым сельским хозяйством, «затабориться» на собственной земле, устроиться на постоянную, но не тяжелую работу по душе, чтобы пережить трудные времена военного времени. И тут кто-то подсказал ему, что есть такая природная аномалия – Минусинская котловина, житница Средней Сибири. В те годы ее часто называли «сибирской Италией». Окружающие со всех сторон высокие горы защищают впадину от холодных ветров, создавая здесь уникальный микроклимат с долгим теплым и сухим летом, позволяющим успешно вызревать в открытом грунте не только овощам типа огурцов и томатов, но и вишне, персику, абрикосу, арбузам, дыням и другим, абсолютно нехарактерным для Сибири сельскохозяйственным культурам.

«Осенью 1915 г. Кожанчиков получает известие о том, что на юге Сибири наконец освободилась вакансия заведующего музеем им. Н.М. Мартянова, и после недолгих размышлений соглашается на переезд в Минусинск, где и вступает в должность 15 декабря 1915 года» (Максимов, 2024). Старые коллекции музея, которые он застал, находились в неудовлетворительном состоянии. Хотя его отец-основатель Н.М. Мартянов с 1877 г. и состоял

действительным членом РЭО, но, в этом случае, к сожалению, прежде всего он был очень активным ботаником-флористом! Поэтому Василию Дмитриевичу пришлось в основу новой коллекции положить свои «сборы за 1914–1915 гг. из Тукурингра и Яблоневого хребта» – писал он 23 декабря 1915 г. в письме Н.Я. Кузнецову (цит. по: Максимов, 2024).

Уехав с Дальнего Востока, на посту директора Минусинского музея В.Д. Кожанчиков на собственные денежные средства сумел развернуть настоящий энтомологический научно-исследовательский институт со сборщиками полевых материалов и препараторами-хранителями коллекций, привлеченными со стороны энтомологами-систематиками для их обработки, организовать выпуск музейного периодического издания, в значительной степени имеющего энтомологическую направленность и создать высокогорный научный стационар. Он организовал процесс производства энтомологических коллекций и их обработку так, как, по его наблюдениям, оно было устроено в фирмах европейских энтомологов-коммерсантов типа Штаудингера или Райттера:

«В начале 1916 г. музей издал циркулярное обращение к народным учителям с предложением собирать некоторые отряды беспозвоночных для музея за плату при условии, чтобы к сбору было приложено описание местности, где сбор произведен. Два года подряд (1916 и 1917 гг.) это предложение было разослано в 1.300 экземплярах, но в результате только учитель Каптырьевской школы В.П. Стародубцев оба года собирал для музея и очень удачно, заработав свыше 100 руб. Следовательно, этот путь оказался неподходящим к местным условиям. Пришлось привлекать молодежь к коллектированию материалов. Собирали два сына пишущего, Лев и Игорь Кожанчиковы, ученик местной учительской семинарии Семен Романович Цыганков, ныне сотрудник музея. До 1920 г. были исследованы окрестности города, р. Казыр-Сук, оз. Кызы-Куль, а С. Цыганковым – среднее течение р. Казыр. В 1919 г. музей получил еще одного бесплатного сотрудника: ученика реального училища Алексея Герасимова-Морачинского. В 1920 г. братья Кожанчиковы исследовали оз. Тиберкуль, а зимой в декабре ими же при содействии некоторых лиц была учреждена Буйбинская Высокогорная биологическая станция, просуществовавшая до 19 июля 1922 г. Все эти работы музеем ничего не стоили, т.к. до 1920 г. все поездки совершались на средства пишущего, на добровольные отчисления из его заработной платы. После 1920 г. и до 1924 г. все исследовательские поездки совершались на средства сотрудников музея или же средства добывались охотой и рыбной ловлей, но систематическое исследование окрестностей города и посейчас производится исключительно на средства пишущего. Зоологические сборы, благодаря такой интенсивной деятельности, достигли уже к 1923 г. таких значительных размеров, что явилась возможность подумать об обработке их и напечатании результатов обработки. С переходом с 1923 г. музея на государственный бюджет явилась возможность сначала на добровольные отчисления из зарплаты сотрудников, а затем из спецсредств музея начать издание «Ежегодника Музея». Биологические статьи писались его сотрудниками, а систематические – зоологами Академии Наук и специалистами»

(Кожанчиков, 1927). Создание В.Д. Кожанчиковым собственного научного института – это замечательный пример хорошо организованного менеджмента и продуманного маркетинга на тему: «Все кружится вокруг интереса к насекомым». Воистину «феномен отечественной энтомологии», как считаем мы с Р.Э. Максимовым. А решение издавать собственный журнал вообще гениальный ход!

Вот что пишет он в письме, адресованном Н.Я. Кузнецову 14 марта 1923 г.: «В настоящем письме приведу Вам только те доводы, на основании которых я решил создать (на свои средства) от имени Мартыановского Музея свой журнал под заглавием «Ежегодник Государственного Музея им. Н.М. Мартыанова». Именно Вы особенно хорошо знаете, что все эти исследовательские поездки разных лиц давали довольно скудные результаты, и результаты в большинстве случаев не соответствовали затраченным средствам. Ясно для каждого, что нужно создавать на местах исследователей, а это возможно только тогда, если эти исследователи будут заинтересованы, а это легче всего сделать, если их привлечь к самой легкой работе, то есть, к описательной. Если же поставить дело в ту плоскость, которая до сего времени практиковалась, то есть [когда] людей просили что-то собирать и приносить специалистам для обработки «за спасибо» [даром], то, конечно, как это показала практика многих лет, фауна России оказалась менее исследованной, чем центральная Африка, а те исследовательские работы, которые делали в России, сводились к коллекционированию специалистами *imago* [взрослых, половозрелых насекомых], и в лучшем случае для определения видов руководствовались разными методами; а по биологии даже многих петербургских видов до сего времени [много] неизвестных.

Теперь, когда я стал стар, и я вижу, что количество энтомологов всё уменьшается, я решил привлечь молодёжь, у меня сейчас 4 таких, – молодых энтомологов. Издание же «Ежегодника» молодёжь страшно заинтересовало. Тем более, что они пробуют свои силы вполне самостоятельно; но им разрешается писать только биологические, а не систематические работы пока, так как литература у нас хорошая. Моя же работа (описание видов), сделанная только на основании одного труда Зейтца, с описанием новых видов может, главным образом, уже привлечь внимание заграничных энтомологов, и на наш Музей получить средства, посредством продаж дубликатов, на покупку специальных сочинений по энтомологии, которых у нас почти нет. Зная по старой практике, что получить в обмен на насекомых научную литературу очень легко, я убеждён, что в течение одного года я сумею составить прекрасную библиотеку, которая даст молодёжи возможность работать и по систематике. Вот почему я и [Н.Н.] Филиппеву написал, что получить от меня материал можно только в том случае, если печатная обработка будет напечатана в нашем «Ежегоднике». На этом, и только на этом условии я, или вернее мы, будем высылать материал по всем отрядам насекомых» (цит. по Максимов, 2024).

Кого он называл молодежью? Это были: Лев Васильевич Кожанчиков (1899–1931), Игорь Васильевич Кожанчиков (1904–1958) и Алексей Максимович

Герасимов (Герасимов-Морачинский, 1904–1942). Все они в 1920-х гг. окончили Высшие курсы прикладной зоологии и фитопатологии при учебном Институте прикладной зоологии и фитопатологии в Ленинграде. Все успешно работали по преподаваемой им специальности. К великому сожалению, этим выдающимся энтомологам для жизни был отпущен малый срок: Лев умер от скоротечной чахотки в 32 года, Игорь – от инфаркта в 51 год, Алексей Максимович погиб в дороге при эвакуации из осажденного Ленинграда в 38 лет. Подробности их жизненного пути освещены в книге и некрологах (см. Завгородняя, 2025; Штакельберг, 1959; Кожанчиков, 1948).

Подводя итог нашему пристальному и всестороннему изучению биографии В.Д. Кожанчикова, мы должны отметить его умение справляться с возникавшими в ходе человеческого бытия проблемами самостоятельно, ни к кому не обращаясь за помощью, беззаветно отдавать всего себя семье, детям, стремиться научить их тому, что умеешь сам, как это было заведено в купеческих династиях. «Будучи прекрасным администратором и организатором, Василий Дмитриевич также проявил себя как талантливый ученый и как истинный патриот, беззаветно служивший любимой науке и музейному делу, независимо от перемен власти и политических ветров» (Максимов, 2024).

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает глубокую признательность Р.Э. Максиму (Абакан), Е.А. Беляеву (Владивосток), А.Г. Белику (Саратов), В.В. Дубатолову (Новосибирск) за консультацию и предоставление ценной информации.

ЛИТЕРАТУРА

Аноним. 1931. [Статья в энциклопедии]. Кожанчиков Василий Дмитриевич. *Сибирская советская энциклопедия в 4-х томах. Том второй. 3–К.* Новосибирск: Западно-сибирское отделение ОГИЗ. С. 787.

Бадалян Д.А. 2016. Письма книготорговца Д.Е. Кожанчикова к И.С. Аксакову. 1861–1864 гг. *Книжное дело в России в XIX - начале XX века: сб. науч. тр. Вып. 18.* Санкт-Петербург: Российская национальная б-ка. С. 337–385.

Баренбаум И.Е. 2003. *Книжный Петербург. Три века истории. Очерки издательского дела и книжной торговли.* Санкт-Петербург: РИЦ «Культ-информ-пресс». 440 с.

Дорогостайский В.Ч. 1915. Предварительный отчет о поездке в Яблоновы хребет, совершенной по поручению Императорской Академии Наук в 1914 г. *Известия Императорской Академии наук. VI серия.* 9(5): 401–420.

Дубатолов В.В., Стрельцов А.Н., Синёв С.Ю., Аникин В.В., Барбарич А.А., Барма А.Ю., Барышникова С.В., Беляев Е.А., Василенко С.В., Ковтунович В.Н., Лантухова И.А., Львовский А.Л., Пономаренко М.Г., Свиридов А.В., Устюжанин П.Я. 2014. *Чешуекрылые Зейского заповедника.* Благовещенск: Изд-во БГПУ. 304 с.

Завгородняя А.А. 2025. *Кожанчиковы исследователи фауны России XX века: биографический сборник.* М.: Старая Басманная. 136 с.

Кожанчиков В.Д. 1927. Мартъяновский Минусинский музей. (К пятидесятилетнему юбилею музея). *Сибирские огни (Новосибирск)*, 1: 226–228.

- Кожанчиков И.В. 1948.** Памяти Алексея Максимовича Герасимова (1904–1942). *Энтомологическое обозрение*, 30: 165–167.
- Кузнецов Н.Я. 2018.** Деятельность и значение П.П. Семенова-Тян-Шанского в области энтомологии. *Мемуары П.П. Семенова-Тян-Шанского. Том V. П.П. Семенов-Тян-Шанский. Его жизнь и деятельность. 1827-1914.* М.: «Кучково поле». С. 216–227.
- Куренцов А.И. 1953.** *К неведомым вершинам Сихотэ-Алиня.* Владивосток: Приморское книжное издательство. 184 с.
- Куренцов А.И. 1967.** *Энтомофауна горных областей Дальнего Востока СССР (Эколого-географический очерк).* М.: Наука. 94 с.
- Куренцов А.И. 1970.** *Булавоусые чешуекрылые Дальнего Востока СССР. Определитель.* Л.: Наука. 164 с.
- Максимов Р.Э. 2022.** Василий Дмитриевич Кожанчиков. Минусинские годы (1915–1929). *Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова. Вып. 4.* Минусинск: «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова». С. 107–133.
- Максимов Р.Э. 2024.** Василий Дмитриевич Кожанчиков. Дополнения и исправления. *Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова. Вып. 6.* Минусинск: «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова». С. 122–148.
- Нагорных В.В. 2022.** К вопросу о биографии В.Д. Кожанчикова (Документы о семье Кожанчиковых в фондах Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова). *Архивные документы в системе объективного научного знания. Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции (12 октября 2022 г.).* Абакан: «Книжное издательство «Бригантина». С. 190–198.
- Новомодный Е.В. 1999.** Известные зоологи – покорители вершин Сихотэ-Алиня. *Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения: Материалы Вторых Гродековских чтений (Хабаровск, 29-30 апреля 1999г.).* Хабаровск: «Частная коллекция». С. 341–344.
- Новомодный Е.В. 2024.** Малоизвестные герои энтомологических исследований на Дальнем Востоке России. *Чтения памяти Алексея Ивановича Куренцова. Вып. 35.* Владивосток: ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН. С. 5–19.
- Новомодный Е.В. 2025.** Малоизвестные герои энтомологических исследований на Дальнем Востоке России. Сообщение 2. *Чтения памяти Алексея Ивановича Куренцова. Вып. 36.* Владивосток: ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН. С. 5–19.
- Павловский Е.Н., Филиппов Н.Н. 1936.** Краткий очерк деятельности Государственного Всероссийского энтомологического общества за 75 лет его существования (1860–1935). *Энтомологическое обозрение*, 26(1-4): 3–14.
- Семенов-Тян-Шанский А.П. 1914.** Памяти Дмитрия Константиновича Глазунова. *Русское энтомологическое обозрение*, 14(2-3): LXXXVI-XCV.
- Семенов-Тян-Шанский М.А., Заднепровская А.Ю. 2017.** Письма П.П. Семенова сыну Андрею Петровичу. *Жуки (Coleoptera) и колеоптерологи.* URL: https://www.zin.ru/animalia/Coleoptera/pdf/p-p-semenov_letters_to_a-p-semenov.pdf/ (дата обращения: 05.06.2025).
- Федотов А.С. 2014.** А.Н. Островский и петербургский книгоиздатель Д.Е. Кожанчиков: история издания второго прижизненного собрания сочинений драматурга. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 1: 126–145.
- Штакельберг А.А. 1921 (1917).** К фауне Syrphidae (Diptera) Якутской области. *Русское энтомологическое обозрение*, 17: 139–143.
- Штакельберг А.А. 1959.** Памяти Игоря Васильевича Кожанчикова (1904–1958). *Энтомологическое обозрение*, 38(1): 243–251.

- Якобсон Г.Г. 1910.** Краткий очерк деятельности Русского энтомологического общества за первые 50 лет его существования. *К пятидесятилетию Русского энтомологического общества. [1860-1910]*. СПб. С. 1–18.
- Heikertinger F. 1920.** Edmund Reitter †. Ein Nachruf. *Wiener Entomologische Zeitung*, 38: 1–16.
- Hering M. 1927.** Rudolf Püngeler †. *Deutsche Entomologische Zeitschrift (Berliner Entomologische Zeitschrift und Deutsche Entomologische Zeitschrift in Vereinigung)*. 1927(2): 97–100.
- Hetschko A. 1915.** Festschrift zum siebenzigsten Geburtstag Edmund Reitters am 22. Oktober 1915. *Wiener Entomologische Zeitung*, 34: 215–400.
- Koshantschikov D. 1891.** Neue Aphodien. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae*, 25: 438–440.
- Koshantschikov D. 1893.** Eine neue Lethrus-Art. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae*, 27: 137–138.
- Koshantschikov D. 1894a.** Zur Scarabaeiden-Fauna der Umgegend von Issyk-kul. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae*, 28: 96–99.
- Koshantschikov D. 1894b.** Einige Bemerkungen zu Reitter's "Bestimmungs Tabelle der Lucaniden und coprophagen Lamellicornen". *Horae Societatis Entomologicae Rossicae*, 28: 100–102.
- Koshantschikov D. 1894c.** Verzeichniss der von Herrn D. Glasunow in Turkestan gesammelten coprophagen Lamellicornen. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae*, 28: 103–119.
- Koshantschikov D. 1894d.** Einige bemerkungen zu Reitter's Bestimmungs-Tabelle der Lucaniden und coprophagen Lamellicornen. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae*, 28: 100–102.
- Koshantschikov D. 1894e.** Vier neue Aphodien der russisch-europaischen Fauna. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae*, 28: 123–127.
- Koshantschikov D. 1894f.** Ein neuer Lethrus aus Turcmenien. *Horae Societatis Entomologicae Rossicae*, 28: 149–151.
- Koshantschikov W. 1910.** Beitrag zur kenntnis der Aphodiini. *Russkoe Entomologicheskoe Obozrenie*, 10: 18–20.
- Koshantschikov W. 1911a.** Zweiter Beitrag zur Kenntnis der Aphodiini. *Russkoe Entomologicheskoe Obozrenie*, 11: 18–35.
- Koshantschikov W. 1911b.** Dritter Beitrag zur Kenntnis der Aphodiini. *Russkoe Entomologicheskoe Obozrenie*, 11: 205–212.
- Koshantschikov W. 1912.** Vierter Beitrag zur Kenntnis der Aphodiini. *Russkoe Entomologicheskoe Obozrenie*, 12: 511–523.
- Koshantschikov W. 1913a.** Fünfter Beitrag zur Kenntnis der Aphodiini. *Russkoe Entomologicheskoe Obozrenie*, 13: 257–265.
- Koshantschikov W. 1913b.** Sechster Beitrag zur Kenntnis der Aphodiini. *Archiv für Naturgeschichte*, A79(9): 186–203.
- Koshantschikov W. 1916.** Septieme contribution a l'etude des Aphodiini. *Russkoe Entomologicheskoe Obozrenie*, 16: 192–208.
- Püngeler R. 1914.** Neue palaearktische Makrolepidopteren. *Deutsche entomologische Zeitschrift «Iris»*, 28(1): 37–55.
- Sheljuzhko L. 1925.** Neue Erebien aus Sibirien. *Entomologischer Anzeiger*, 5(1): 1–3, 9–10.